

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумвират»

Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца
Ночь сурка

Сериал «Дикие лебеди»

Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»

Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»

Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень
Яд персидской сирени
Девушка с синей луны

*Инна
Баринская*

Мадам Осень

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серийного оформления А. Саукова

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Мадам Осень : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-04-092360-1

Бармен Эрик про себя называл эту утонченную интеллигентную женщину средних лет Мадам Осень. Он был немало удивлен, когда она ответила согласием на предложение какого-то незнакомца отправиться к нему в гостиницу. А через день в номере был обнаружен его труп — мужчину закололи ножницами... Как выяснилось, такой способ убийства фигурировал в недавно изданном романе известного автора детективов Кирилла Сунгура. Что это, совпадение или закономерность? Сыщик-любитель Олег Монахов, заинтересовавшийся этим делом, выяснил, что в жизни писателя далеко не все гладко — молодая красавица-жена ему открыто изменяет, а сын презирает отца. И, как оказалось, это уже не первое преступление в городе, повторяющее сюжет книги Сунгура...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И.Ю., 2018
ISBN 978-5-04-092360-1 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

К тому ведется:
Что отдаете, то и вернется.
То, что посеешь — то и пожнешь,
Ложью пробьется ваша же ложь.
Каждый поступок имеет значение;
Только прощая, получишь прощенье.
Вы отдаете — вам отдают,
Вы предаете — вас предают,
Вы обижаете — вас обижают,
Вы уважаете — вас уважают...
Жизнь — бумеранг...

Олег Гаврилюк. Жизнь — бумеранг

Действующие лица и события
романа вымышлены, и сходство
их с реальными лицами и события-
ми абсолютно случайно.

Автор

Пролог

...**М**ужчина отпер дверь и посторонился, пропуская гостью. Та вошла, встала посреди прихожей; вздрогнула, поймав свое отражение в высоком зеркале: настороженные глаза, каштановые волосы до плеч, длинное синее платье, сверкающие камешки в ушах, нитка жемчуга на шее. Круглая шляпка из блестящей материи.

— Будь как дома, — сказал мужчина. — Раздевайся! Слышь, как тебя зовут? Александра? А я — Николай! Будем знакомы. Очень приятно. А то, смотрю, сидит одна, пьет сок, скушает!

Расслабься, чего ты? Садись! Я сейчас пошарюсь в серванте, вроде коньячок где-то был. Ох, и навернем сейчас! А ты часто там бываешь? Никогда тебя раньше не видел...

* * *

...Поздно. За стойкой уютного полупустого бара четверо. Двое старых приятелей, уже изрядно принявших и громогласных, хлопают друг друга по плечу: «А помнишь? А помнишь, как ты? А они! А ты опять!» И радостное ржание.

Одинокая женщина средних лет в открытом черном платье, с сигаретой в тонких пальцах; в ушах поблескивают камешки... настоящие, как определил опытный бармен Эрик Гунн, тонкий и длинный молодой человек в белой рубашке и черной бабочке. Задумчиво сузив глаза, она созерцает сизую струйку, штопором тянущуюся к потолку; перед ней низкий бокал-тюльпан с коньяком; она затягивается, выпускает дым, берет бокал нарочито неторопливым движением — длинные лиловые ногти стучаются о стекло, — отпивает чуть, ставит на место, задумчиво созерцает сизую струйку. Она как будто повторяет некий ритуал: затяжка, дым, протянула руку и взяла бокал, цокнула ногтем, глоток коньяку, неслышно поставила на стойку, убрала руку, потусторонний созерцающий взгляд. Она сидит удивительно ровно, движения ее тщательны и скупы, она напоминает куклу-автомат.

Эрик мельком поглядывает в ее сторону, прикидывая, хватит с нее или можно добавить. Решил, что до кондиции можно добавить слегонца, а потом вызвать такси и попросить стюарда Рому помочь ей сползти с высокого табурета, бережно проводить к машине и назвать адрес водителю. Она хорошая клиентка, не жадная, не скандальная, не стреляет

бессовестным взглядом, больше молчит, не пристаёт с вопросами — курит, пьёт и думает о чем-то... а может, ни о чем. Иногда ему кажется, что она даже не осознает, где находится, и не узнает его, Эрика. Иногда ему кажется, что она не в себе, слегка ку-ку, и он поглядывает на нее, спрашивая себя, что «варится» в ее голове и что значит сосредоточенный взгляд «в себя», полное молчание и вообще, зачем она здесь — принять можно и дома в более комфортных условиях. Возможно, ей нужна компания, думал Эрик, эффект присутствия, не хочется сидеть дома одной, а телевизор надоел. Он пытался разговорить ее или познакомить с кем-нибудь... есть такие дамочки, которые ищут знакомств, но она смотрела на него бессмысленным взглядом внезапно разбуженного человека, и он отступился. Видно, что тетка не бедная, следит за собой, одинокая... Такая одинокая, что скулы сводит! Потому и сидит здесь, чтобы хоть какие-то голоса, смех и живые люди, музыка... какая-никакая бормочет едва слышно, джаз в основном, а не склеп собственной квартиры... в шикарном доме, надо заметить, — Вовик, водитель, рассказывал. И коньячок элитный. А может, обожглась и поставила крест.

Эрик прозвал ее Мадам Осень... Эрик был романтиком, воспитанным на старом французском кино и старых шлягерах. Или Мадам. Или просто Осень.

Был и четвертый, чужак, здоровенный краснорожий мужик. Эрик раньше его не видел, похоже, случайно забрел, возможно, приезжий. Этот пил вискарь. Допив, выбрасывал указательный палец, требуя еще. После третьего стакана подсел к Мадам, устался в упор, ухмыльнулся. Эрик повел взглядом, кивнул Сереже, секьюрити, давая понять, что, возможно, придется вмешаться. Сережа подошел ближе.

— Даме повторить! — приказал краснорожий. — Дима! — Он протянул руку.

Мадам Осень, помедлив, протянула в ответ свою. Он потряхнул ее руку, чокнулся и залпом выпил. Крякнул, взглянул шальными глазами:

— Давай, давай! До дна!

Она выпила.

— Тебя как зовут? — Он положил руку на ее колено. Эрик напрягся.

— Софья. — Она смотрела на него внимательно, без улыбки, словно ждала каких-то особенных слов.

Эрик подумал, что она соврала.

— Софья? — обрадовался мужик. — Сонечка, значит. А я Дима. Будем знакомы!

Он снова полез жать ей руку; потряхнул, поднес к губам, поцеловал. Она улыбнулась. Эрик удивился — уж очень они были разными... все было разное, статус, уровень... «конь и трепетная лань». Вот и пойми их после этого. «Они» — женщины.

А тот уже нес что-то об их красивом городе... приехал на пару дней... в гостинице... один, аж непривычно, любит, чтобы люди вокруг, потому как человек компанейский... а она красивая женщина, порода чувствуется...

— Может, посидим у меня? — спросил. — Поговорим, познакомимся... поближе. — Он блудливо ухмыльнулся.

Мадам Осень кивнула, к изумлению Эрика. Мужик поднялся, помог ей встать, бросил на стойку несколько бумажек. Подмигнул:

— Привет, шеф!

Они ушли. Эрик проводил их взглядом...

Глава 1

Семья за завтраком

Тут нарисована жена
ее глядеть мое призванье...
В зеленой кофточке стоит
подобно мудрой жене
держит стальное перо
заложив пальцем книгу.

Даниил Хармс

Хозяин дома, высокий худощавый мужчина с седой головой, в «серебристом» возрасте, когда больше думают о душе, чем о теле... то есть предполагается, что думают, наряженный в клетчатый фартук, крутится по кухне, расставляет тарелки, чашки, сует в тостер хлеб. Первой появляется из своей спальни дочь Лара, высокая, бледная, бесцветная молодая женщина с волосами, собранными в конский хвост; в джинсах и черной футболке.

— Привет, папочка! — Она прижимается головой к плечу отца, тот целует ее в лоб.

— Как спала, девочка?

— Хорошо. А ты?

— Прекрасно. Просидел за компьютером до трех, дописал главу и с чистой совестью отправился спать.

- Кого убил?
- Никого пока, в процессе. Сначала антураж, потом убийства. Нужно дать читателю все карты в руки, пусть попробует вычислить, кто есть кто. Ты сегодня с утра?
- С утра. Мама дома?
- Еще не вставала. Юрик в ванной. Что тебе? Мюсли или бутерброд?
- Только кофе! Утром не хочется.
- Хоть чуть-чуть, Ларочка! По-моему, ты похудела, совсем прозрачная стала. Может, влюбилась?
- Не влюбилась. Не в кого, папочка.
- Может, оладушек? С клубничным джемом?
- Лара рассмеялась.
- Упаси бог! — Она налила себе кофе.
- Сахар? — Отец подтолкнул к ней сахарницу. Она улыбнулась и покачала головой.
- Спасибо, я без.
- Может, пообедаем сегодня?
- С удовольствием! Можно в «Детинце», в час.
- Подкинуть на булавки?
- Не надо, папочка. У меня есть. Спасибо.
- Всем привет! — Молодой человек с мокрыми волосами и румяным лицом появился на пороге. — А мне кофе? Ларка, ты чего смурная? Кошмары замучили?
- В нашей семье один кошмар на всех, — сказала Лара. — Не будем показывать пальцем.
- Я не кошмар, я тут единственный нормальный, — заявил молодой человек. — Маман вечно в командировках и публичная... э-э-э... особа, отец весь в своих убийствах, только и думает, как бы замочить побольше народу, ты,

Ларка... ты бы хоть иногда смотрелась в зеркало! Выскочишь из-за угла — кондратий хватит.

— Садись, сынок, ешь, — сказал седоголовый мужчина. — И помни, жевать нужно молча, а то случится несварение желудка, а там и до язвы недалеко. Мюсли? Тост?

— И мюсли, и тост... а где варенье?

— Сытое брюхо к учению глухо, — заметила Лара.

— Мое не глухо, будь спок. А вот ты, девушка, по виду так просто академик, одни кости, и не красишься. А тебе ведь замуж выходить. Кто тебя возьмет с такой постной физией?

— Юра, ешь! — прикрикнул отец.

— А чего, я за правду. Ты приводил издательского ай-тишника, знакомил, поил, кормил, а он, скотина, не польстился. А однокласник Жора, придурок придурком, а ведь сбежал! Никто не повелся.

— Не надоело? — резко сказала Лара. — Сколько можно? Что ты вообще обо мне знаешь? Ты, неуч! Если бы не мама, ты бы вылетел из бursы вперед ногами!

— Дети, перестаньте!

— Ой, что там о тебе знать? Тайна, блин! На тебя достаточно посмотреть и все про тебя ясно.

— Юра!

— Что — Юра! От нее же скулы сводит... серая мышь! Посмотри на нее! Она не живет, она существует. Ни шмоток приличных, ни друзей... зато красный диплом. На фиг кому твой красный диплом?! Сейчас в библиотеку с улицы берут, до смерти рады, потому что работать некому. Кто сейчас туда ходит... одни пенсы и бомжи, вчерашний день. Ты сама вчерашний день, целочка ты наша. Мать пыталась пристроить в редакцию...

— Не твое дело! — закричала Лара, бросая на стол салфетку. — Ты, ничтожество! Только и можешь деньги тянуть с родителей и шляться по кабакам! Ты когда домой явился? В три?

— Завидно? — фыркнул брат.

— Лара! — прикрикнул отец. — Перестань.

— Пусть говорит. Вообще, тебе хахаль нужен, Ларка, у тебя на роже написано, что тебя надо трахнуть!

— Скотина! — Лара вскочила и выбежала из кухни.

— Тебе обязательно портить нам настроение с утра?

— А я чего... я за правду. Ей мужик нужен, может, и характер получше станет. Ей же слова нельзя сказать... так и кидается. Чисто тигра. Ты же сам понимаешь... Хотя, — Юра отхлебнул из чашки, — это она после твоих книжек с принцессами. Их уже нет, повывелись как класс, остались одни стервы. Оглянись вокруг! Разве что в твоих книжках.

Сын жевал, увлеченно говорил, нес что-то совсем уж запредельное, и Сунгур уже в который раз подумал с сожалением, что сын с каждым днем становится хамовитее и наглее. Сунгур Кирилл Вениаминович — так его звали — был писателем. Сначала журналистом, много лет назад, а потом стал писателем. На волне перестройки написал книгу о мафии, за ней последовал ряд острых публикаций, он прославился, был любим народом и нарасхват. Народ, охая и ахая, жадно внимал чернухе, занимал очередь за свежим номером газеты, вопрос «а вы читали?», задаваемый шепотом, с горящими глазами, звучал чаще, чем приветствие. Публичные выступления, зарубежные поездки, семинары молодых журналистов... дни былой славы. Потом наступило время, когда разоблачениями и чернухой

уже никого нельзя было удивить, все как-то сразу устало, хлеб насущный стал даваться с трудом — не до того стало, и звезда его постепенно закатилась... постепенно и сразу. Звездным мигмом, апогеем, стала женитьба на ослепительной красавице, выпускнице журфака, которой он покровительствовал. Разница в возрасте почти не сказывалась... молоденькие женщины любят успешных, популярных, убежденных сединами — поначалу, пока не войдут в силу. А когда войдут, начинают понимать, что Акела — старый беззубый волк, который промахивается чаще, чем попадает в цель, а вокруг полно молодых и сильных волков. Наступило время хищников. Он был хорошим мужем... так ему казалось. Любил приемную дочку Ларочку... у молодой жены было приданое — двухлетняя малышка, брошенная на бабушку, к которой жена была вполне равнодушна. Потом родился долгожданный сын Юрий. Потом начались проблемы. Он стал пасовать перед ней, а она, сильная, жесткая, смелая, шла по головам... Автор хотел сказать «по трупам»: она шла по трупам, фигурально выражаясь, разумеется, но не посмел — уж очень образ идущего по трупам... не того-с. Не наш случай. Она была прекрасной журналисткой и бойцом, бесстрашно лезла в такие дыры, куда опытные «гиены пера» соваться не решались. Ее даже пытались взорвать, пару лет назад заложили какую-то дрянь в машину... к счастью, неудачно, и никто не пострадал, а вокруг нее воссиял ореол мученицы, этакой Жанны д'Арк, воина света. Она перехватила мужнину эстафету, и чем меньше говорили о нем, тем больше знали ее — Алёну Сунгур. А он стал писать детективы... мужские, где было много оружия, стрельбы, камуфляжа и трупов, настоящей

мужской работы и мужского пота, а женщины были беспомощными и слабыми — такими он их видел или представлял себе, или по которым тосковал, как многие не особенно уверенные в себе мужчины. Свой взлет со временем он воспринимал скорее как случайность, так как не был человеком публичным, а падение — закономерным. Мои года — мое богатство... спорное утверждение. Самыми счастливыми часами его жизни были ночные часы у компьютера, когда он сочинял приключения частного детектива Александра Волкова, наделяя его своим характером, своими мыслями и воззрениями, а также добавляя то, чем никогда не обладал, но тайно восхищался: кулаки, дерзкую силу, готовность сцепиться в драке за правое дело против сильных мира; а еще у героя были высокие скулы, стальной взгляд серых глаз, желваки, упрямый подбородок и короткая военная стрижка; а еще был он небогат, часто дрался, как уже упоминалось, в результате чего был украшен боевыми шрамами; а женщины его были нежными и слабыми, как снова-таки упоминалось ранее, и с ними постоянно что-нибудь случалось, знаете, как это бывает — метили в героя, а пострадала невинная жертва. Подруги Александра Волкова... кстати, прозвище ему было, разумеется, Одинокий Волк, погибали с завидным постоянством, если позволительно так выразиться, ибо весь опыт литературы подобного жанра говорит о том, что частный детектив или агент под номером ноль-ноль с чем-то там должен быть одиноким... профессия предполагает одиночество, так как не должно быть у него слабых мест. А женщина, семья, дети — это страх и слабость. Имея на руках семью, дважды подумаешь, лезть в пекло или ну его,

всех не спасешь, а жизнь одна. На то он и Одинокий Волк, что одинок, извините за тавтологию. Одинокий Одинокий Волк. И читательницам приятно. Подруги его были списаны с Лары, которой он пытался найти хорошего парня, но, увы. Они были добры, скромны, не бегали по танцулькам и ресторанам, одним словом, были из тех, кто утешит, погладит по голове, накормит, снимет сапоги, — женщинами воина. И вообще, сидит дома и ждет. Хранительницами очага. Но это понимаешь в «серебристом» возрасте, когда и зубов поменьше, и когти поистерлись, да и то лишь по одной-единственной причине — сил поймать молодую волчицу уже нет. А молодой волк хочет сильную подругу, и наплевать ему, что красотки-волчицы неверны, коварны и жестоки, и уж разумеется, не будут вытирать нос и кормить с ложечки... в случае чего. Любовь или сексуальное партнерство — часто драка за влияние, перетягивание каната, кто кого, гипертрофированное чувство собственности, равноправием тут и не пахнет, а если и существует, то скорее всего это равнодушие или расчет: хочешь в лидеры? Да ради бога! Флаг в руки. Ты лидер, ты кормилец, ты самый-рассамый! Правда, иногда склоняют голову с готовностью и радостью, принимая безоговорочно лидерство партнера... бывает и так.

— Какие-то кислые бабы у твоего Волчары, — говорил Юрий, который книги отца не читал... так, просматривал иногда от нечего делать, чтобы поиздеваться. — Драйва нет... да я бы на его месте менял их каждый день! Нехилый лоб, с пушкой, дерется будь здоров, кулаки — во! — а от его баб с души воротит. Зануды, ни рыба ни мясо... это даже хорошо, что их то пристрелят, то взорвут... даже приятно.